

ВЛАДИМИР ДЕСЯТЕРИК

КАК И ПОЧЕМУ МАЯКОВСКИЙ ПРИШЁЛ СОТРУДНИЧАТЬ С ЦЕНТРАЛЬНЫМ ОРГАНОМ КОМСОМОЛА

Версия

Как известно, Евгений Евтушенко, прочитав есенинские строки, где поэт говорит о своём намерении, “задрав штаны, бежать за комсомолом”, публично заявил, что он так поступать не станет. А вот Владимир Маяковский воспринимал есенинское искреннее желание иначе... Но об этом позже...

Сначала несколько слов о личном. Давным-давно, читая какой-то материал, где приводились свидетельства последних мгновений жизни и трагической гибели поэта, был поражён одной деталью. Печальную весть об этом событии кто-то из соседей Маяковского сообщал почему-то в “Комсомольскую правду”. Почему именно туда? Это удивило: надо бы разобраться. Но годы шли, и мысль, возникшая спонтанно, так и осталась бы невыясненной, если бы не звонок руководителя нашей общественной ветеранской организации “Клуб журналистов всех поколений “Комсомольской правды” Людмилы Матвеевны Сёминой, сообщившей о родившемся намерении выпустить силами бывших сотрудников “Комсомолки” номер газеты, посвящённый 100-летию со дня образования комсомола. Почему-то первым на память пришёл озаботивший когда-то факт звонка из Лубянского переулка в редакцию газеты.

Нашёл воспоминания сотрудника “Комсомольской правды” тех лет М. К. Розенфельда, который и писал, что кто-то из соседей, проживавших рядом с квартирой поэта, позвонил в редакцию “Комсомольской правды” и сказал всего три слова: “Несчастье! Застрелился Маяковский!” И всё. Трубка была повешена. Автор мемуаров тут же побежал на квартиру поэта. Через несколько минут он уже был там. Ему бросилось в глаза, что чайник в комнате Владимира Владимировича ещё не успел остыть.

Нужно сказать, что и квартира поэта, и редакция “Комсомольской правды” были практически в шаговой доступности к Лубянской, позже – площади Дзержинского. Квартира Маяковского – в Лубянском переулке, а редакция газеты, как пишет в своих воспоминаниях М. К. Розенфельд, располагалась совсем рядом. “Старый дом, в котором помещалась редакция “Комсомольской правды”, стоял в переулке сразу за Китайгородской стеной, против площади Дзержинского”.

Прибыв на место трагедии, журналист увидел группу людей, стал выяснять, кто звонил. Это узнать не удалось. А почему звонивший обратился

в “Комсомольскую правду”, прояснилось, когда на столе рядом с телом поэта обнаружился редакционный билет постоянного сотрудника газеты за № 387. Скорее всего, это и послужило подсказкой звонившему.

А. В. Луначарский как-то заметил: “Маяковский до гроба будет юношей”. Стремление Владимира Владимировича общаться с молодёжью отмечают все мемуаристы, имевшие возможность наблюдать, с какой ответственностью, готовностью он шёл на встречи с читателями, прежде всего, с людьми молодыми. Поэт выступал, кроме Москвы, в сорока городах, и таких встреч с читателями насчитывается больше ста.

*На сотни эстрад
бросает меня,
На тысячу глаз
молодёжи.*

В своей любви к молодёжи поэт откровенно признавался и в стихах. На открытии выставки “20 лет работы Маяковского”, отмечая с горечью, что писательская братия игнорирует его отчёт, он добавлял: “Я рад, что здесь молодёжь Москвы. Я рад, что меня читаете вы! Приветствую вас!” И организатор выступлений Маяковского по стране П. И. Лавут также свидетельствовал, что поэт на выставке “целый день был среди комсомольцев, давал объяснения, прислушивался к замечаниям”. И раньше Владимир Владимирович признавался: “Наш чтец — это вузовская молодёжь, это рабочая и крестьянская комсомольца, рабкор и начинающий писатель”.

Что привлекло к себе внимание, было заметное снижение восторженной тональности в его поэтических произведениях последних лет двадцатых годов. От оптимистических заявлений в более ранних поэмах и стихотворениях Маяковский начинает отходить. Поездки по стране открывали поэту глаза на многие несуразности. От его наблюдательного глаза не ускользало, что в реальной действительности поднимают свои забрала мещанские настроения, пьянство, бюрократизм. И что всего опаснее, эти метастазы проникали в молодёжную среду. Маяковскому всё чаще приходилось встречаться с молодыми людьми, “прополаскивающими водкой глотку”, бравирующими “модой одеж”, “млеющими под визг балалаечный”. У него рождается замысел писать поэму “Плохо”. Частично он начинает реализовать задуманное в сборнике “Слоны в комсомоле”, изданном “Молодой гвардией” в 1929 году. Обличительный пафос творчества последних лет нельзя не заметить. Больше всего его беспокоит набирающее размах и силу мещанство.

По представлениям Маяковского, здесь много полезного могли бы сделать его коллеги по поэтическому цеху. Однако они раздроблены по мелким группам, погрязли во взаимных дискуссиях. В своём “Послании пролетарским поэтам” Маяковский призывает их к сплочению, к активной работе по искоренению всех негативных явлений, мешающих победе новой власти. Выступая в Доме комсомола Красной Пресни, Владимир Владимирович излагал своё видение роли поэта в сложившейся послереволюционной обстановке: “. . . Поэт не тот, кто ходит кучерявым барашком и блеет на лирические темы, но поэт тот, кто в нашей обострённой классовой борьбе отдаёт своё перо в арсенал вооружения пролетариата, который не гнушается никакой чёрной работой, никакой темой о революции, о строительстве народного хозяйства и пишет агитку по любому хозяйственному вопросу”. А на общемосковском собрании читателей “Комсомольской правды” с ещё большей злостью он поднимает тот же вопрос: “Сейчас в сравнении с прошлыми годами, с прошлыми месяцами и неделями перед комсомолом встали десятки новых проблем. . . А где поэт? Куда, к чёртовой матери, эти поэты запропалились? Их нет ни в одной газете, и в том числе и в “Комсомольской правде”. Мы должны сказать, что наша литература углубилась в голое эстетство. В поисках самовыражения, лирической сущности своей собственной души литератор оторвался от самого главного: быть активным бойцом, активным работником на фронте нашего социалистического строительства. . .”

И, наконец, что больше всего поразило меня: уход из жизни Сергея Есенина Маяковским был воспринят как личное горе. В статье “Как делать стихи” поэт рассказывает, что каждая строчка его стихотворения “Сергею Есенину” давалась ему непросто. Маяковский и раньше выделял Сергея Есенина как

одного из талантливейших поэтов современности. Он старался сблизиться со звонкоголосым поэтом. Не один раз у них состоялись даже бурные дискуссии. Сергей Есенин приходил к Маяковскому, но объединения не удалось добиться: найти общую, единую платформу действий оба поэта так и не смогли. В статье “Как делать стихи” Маяковский рассказывает, что он следил за эволюцией Сергея Есенина в его последние годы жизни. “Была одна новая черта у самовлюблённейшего Есенина: он с некоторой завистью относился ко всем поэтам, которые органически спаялись с революцией, с классом и видели перед собой большой и оптимистический путь”. Но самому пойти по этой дороге ему уже не представлялось возможным. К тому ж и органы советской власти относились к Есенину с нескрываемым подозрением. Эти настроения Маяковским подмечены точно. Вспомним хотя бы есенинские строки, написанные в 1924 году, незадолго до трагического финала поэта, когда он приехал на родную Рязанщину. В стихотворении “Русь советская” Сергей Есенин прямо говорит, что чувствует на родине себя “чужаком”: “В своей стране я словно иностранец”. И среди прочего вот что поражает его:

*С горы идёт крестьянский комсомол,
И под гармонику, наяривая рьяно,
Поют агитки Бедного Демьяна,
Весёлым криком оглашая дол.
Вот так страна!
Какого ж я рожна
Орал в стихах, что я с народом дружен?
Моя поэзия здесь больше не нужна,
Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен.*

И разве только такие мысли рождались у Есенина, когда он слушал комсомольское пенье, рассказы деда о том, что сестра Сергея — комсомолка — выбросила иконы, наблюдал за многими явлениями деревенской жизни той поры. В другом стихотворении “Русь уходящая”, написанном в то же самое время, Сергей определяет, как ему выйти из тупика, куда забросила его судьба.

*Друзья! Друзья!
Какой раскол в стране,
Какая грусть в кипении весёлом!
Знать, оттого так хочется и мне,
Здрав штаны,
Бежать за комсомолом.*

Что такое настроение у Есенина было в тот период далеко не случайным, свидетельствуют и другие факты. В 1925 году редакция газеты “Бакинский рабочий”, с которой поэт активно сотрудничал, выпускает его книгу “Русь советская”, а редакция газеты “Заря Востока” — книгу “Страна советская”. В обеих звучит голос новой России, её мечты, надежды и тревоги. Новая жизнь в стране требовала от Есенина резких изменений в самих подходах к ней. И поэт пишет об этом:

*Издатель славный! В этой книге
Я новым чувствам предаюсь,
Учусь постигнуть в каждом миге
Коммуной вздыбленную Русь.*

К сожалению, поэту не суждено было осуществить этот крутой жизненный поворот. Слишком близко навис над ним злополучный декабрь 1925 года. . .

А что же Маяковский? В стихотворении “Сергею Есенину”, написанном в 1926 году, он неодобрительно высказывается о тех выводах, которые звучали в стихах тех, кто причислял себя к есенинским последователям, и заявляет:

*В этой жизни
помереть
нетрудно.*

*Сделать жизнь
значительно
трудней.*

Но ещё один, не менее важный вывод звучит в этом стихотворении:

*Надо жизнь
                                сначала переделать,
переделав —
                                можно воспевать.*

Это уже воспринимается как задача и для самого автора, и для всей отечественной поэзии. Нет никакого сомнения в том, что Маяковский уловил в есенинском, "...задрав штаны, бежать за комсомолом" реальную возможность для поэта, желающего отдать свой талант на службу народу, встать на стезю созидательного действия. Только в совместном труде с многомиллионной массой молодых людей творческой личности откроется простор для создания произведений, отвечающих на запросы времени. Размышляя над предсмертным заветом Есенина, Маяковский, несомненно, в первую очередь искал сферу приложения сил и для себя лично. Наладить сотрудничество с комсомолом? Но как? А впрочем, совсем ведь недавно, в мае 1925-го, комсомольцы создали свой центральный печатный орган — газету "Комсомольская правда". Её редакция разместилась буквально в нескольких шагах от дома поэта. Разве это не подсказка: нужно идти на сотрудничество с комсомольскими журналистами. И Маяковский связывает свою судьбу с комсомолом через его главный печатный орган. Вот таким, представляется, был приход поэта в "Комсомольскую правду".

Из воспоминаний М. К. Розенфельда мы узнаем, что Владимир Владимирович появлялся в редакции с массивной тростью в руках тогда, когда коридор уже был переполнен посетителями. "Медленным шагом, дымя зажатой в зубах папиросой, он направлялся в конец коридора, в секретариат. Он шёл по коридору нарочито медленно, останавливался, слушал, о чём говорили, всматривался в лица незнакомцев и, увлечшись, вступал в разговор". Поэт прислушивался к спорам, вникал в судьбы собеседников, а затем отправлялся в отделы. Если требовалось, писал агитки, сочинял призывы и лозунги, готовил сатирические рисунки, брал заказы для подготовки поэтических произведений, поддерживающих проводимые редакцией кампании, особенно набирающее размах в стране социалистическое соревнование.

Уже спустя год, в 1927 году Владимирирович отмечал в дневнике: "...Основная работа в "Комсомольской правде" и сверхурочно работаю "Хорошо". Он зарекомендовал себя в журналистике и как агитатор, и как поэт, и просто как сотрудник. Вместе с журналистами "Комсомолки" 28 мая 1928 года принимал участие в коммунистическом субботнике. В газете Маяковский трудился в течение 1926–1929 годов. Он как-то писал, что мечтает о времени, когда Госплан будет давать поэтам "задания на год". Но, не ожидая осуществления таких мечтаний, Владимир Владимирович каждый вечер брал задания в редакции и утром сдавал материалы в номер.

О продуктивности его работы можно судить хотя бы по такому факту: в одном только 1928 году на страницах "Комсомольской правды" было опубликовано сорок шесть его стихотворений. Вот, в частности, отрывок из его стихотворения "Призыв" о комсомоле и комсомольцах:

*Думай о комсомоле
  дни и недели!
Ряды свои
                                оглядывай
  зорче.
Все ли комсомольцы
  на самом деле?
Или только
                                комсомольцев корчат?*